

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ войны застал меня на посту председателя Государственной экзаменационной комиссии Ленинградской консерватории по фортепьянному отделу. Никто не предложил прекратить экзамены или свернуть работу. Все осталось на своих местах, экзамены протекали совершенно нормально.

Учащиеся исполняли все программы точно по намеченному плану. Если во время исполнения какого-нибудь номера раздавался вой сирены, все спокойно спускались в бомбоубежище. А затем по сигналу «отбой» экзамен возобновлялся по-академически строго и серьезно.

В самые острые дни, когда бомбардировки были особенно часты и интенсивны, я, чтобы не терять время на длительные путешествия пешком с Петроградской стороны, переселился в здание консерватории. Здесь мне пригодились приобретенные в первые дни войны познания по противопожарной охране объектов. По сигналу «тревога» я быстро отправлялся в форме пожарного на вверенный мне пост № 5, готовый к выполнению своего гражданского долга. Так поступали все педагоги и студенты консерватории, и это внушало уверенность, что в нужный момент удастся отстоять славное здание, вошедшее в историю русской музыкальной культуры, связанное столь дорогими нитями с великими именами в русской музыке.

Дежурить на посту приходилось ежедневно, и, говорят, я сделался хорошим пожарником. Так ли это — трудно судить: зажигательные бомбы не падали на моем участке, и мне не удалось потушить ни одной.

Однажды, отстояв положенное время на посту, я пешком отправился к центру Невского проспекта: торопился в филармонию на концерт, в котором должен был участвовать вместе с С. Преображенской и другими. За два-три квартала до зала филармонии (хотя только что окончилась очередная воздушная тревога и никто не мог предвидеть, когда будет следующая) ко мне непрестанно подходили люди со стереотипным вопросом:

— Нет ли лишнего билетика на концерт?

Истомленные бессонными ночами ленинградцы жаждали морального, эстетического отдыха.

Я с увлечением играл свои прелюдии для необычной аудитории и в столь необычной обстановке, совершенно позабыв об опасности: ведь люди собрались сюда, рискуя жизнью, подтверждая тем самым, что красота искусства жива, что ее убить невозможно.

Возвращался я домой с чувством полного удовлетворения и говорил сам себе: такой народ не сдаст Ленинград ни за что и никогда!..

РОЛЬ работников науки и культуры в эти дни не нужно было определять: она была ясна. Наше место было в одном строю со всем советским народом. Иначе и не могло быть. Война, которую мы вели с гитлеровцами, была

Д. ШОСТАКОВИЧ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

самая справедливая. Мы защищали свободу, честь и независимость нашей Родины. Мы боролись за лучшие в истории человечества идеалы. Мы должны были драться за науку, за искусство, за все то, что мы создали и строили. Советский художник не мог стоять в стороне от этой исторической

схватки, которая велась между разумом и мракобесием, между культурой и варварством, между светом и тьмой.

Многие писатели, художники, артисты ушли добровольцами на фронт. Поступили так, как это сделал профессор Огородников, взявший в руки винтовку, когда часть Пулковской обсерватории была разрушена гитлеровскими самолетами. Большинство же деятелей советской науки и культуры сражалось своим оружием.

Моем оружием была музыка. И с первых дней войны я сел за рояль и начал работать. Работал быстро, много, напряженно. Мне захотелось создать произведение о наших днях, о нашей жизни, о советских людях, которые не жалеют сил и жизни во имя победы над врагом. Работая, я думал о величии нашего народа, о его героизме, о лучших идеалах человечества, о прекрасных качествах советского человека, о нашей прекрасной природе; о гуманизме, о красоте, о том, во имя чего мы ведем борьбу.

Часто в перерывах между работой я выходил на улицу подышать свежим воздухом. Иногда основательно удалялся от дома, забывая, что нахожусь в осажденном городе, подверженном регулярному артиллерийскому обстрелу, бомбовым ударам.

С болью и гордостью смотрел я на любимый город. А он стоял опаленный пожарами, закаленный в боях, испытывавший глубокие страдания войны и был еще более прекрасен в своем суровом величии. Как было не любить этот город, воздвигнутый Петром и завоеванный для народа Лениным, не поведать всему миру о его славе, о мужестве его защитников. И какое это было мужество, какая глубокая человечность была скрыта в этой борьбе.

...Возвращался я с прогулки по осажденному городу полный новых впечатлений, обуреваемый страстным желанием работать и работать, скорее внести свой осязаемый вклад в борьбу, которую так самоотверженно вели ленинградцы.

Июль, август, сентябрь... За три месяца я написал четыре пятых своей Седьмой симфонии. К концу года она была закончена.

...Свою Седьмую симфонию я посвящал нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному Ленинграду,

**МУЗЫКА НА ФРОНТЕ НЕ СМОЛКАЛА.
АРМИЯ В СЕРДЦАХ ЕЕ НЕСЛА...
ПЕСНЯ В ЧАС НЕВЗГОДЫ УТЕШАЛА
И НА ПОДВИГ ВОИНА ЗВАЛА.**

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. МОСКВА

22 ИЮН 1961